

ДЕТЕКТИВ С ШОКИРУЮЩИМ ФИНАЛОМ

ДОКТОР АГАПОВ

НОЧНОЙ ОБХОД

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А23

Иллюстрация на переплете
Алексея Дурасова

Агапов, Вадим Фридрихович.

А23 Ночной обход / Доктор Агапов. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с. — (Разрыв шаблона. Детектив с шокирующим финалом).

ISBN 978-5-04-180227-1

Ночь. Больница. Реанимация.

У пациента Яблочкова, который уже шел на поправку, вдруг внезапно останавливается сердце. Дежурный доктор Агапов с двумя санитарями безуспешно пытаются оживить несчастного. Адреналин, ИВЛ, дефибриллятор — все без толку.

Очень странно, что монитор со звуковым оповещением не был подключен к Яблочкову, хотя Агапов лично подсоединял электроды к пациенту. Не менее странным выглядит и то, что опытная медсестра Анжела заснула на посту, чего с ней никогда не случалось раньше.

Старший лейтенант Воронцов из следственного комитета считает, что это был не заурядный случай из медицинской практики, а тщательно продуманное убийство. И его совершила любовница умершего, гражданка Люба Яснова, вступив в тайный сговор с врачами. И теперь под подозрение попадают все медики, дежурившие в ту роковую ночь.

Доктору Агапову светит реальный срок. Но, к счастью, судьба неожиданно сводит его с частным детективом Арсением Строгановым...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Агапов В.Ф., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-180227-1

Пролог

Эта история произошла одиннадцать... нет, уже двенадцать лет тому назад. К счастью, большинство участников тех событий живы и здоровы, и, чтобы не ставить их в неловкое положение, мне пришлось изменить все имена, фамилии и даты. Поэтому возможные совпадения — это лишь совпадения.

Только один факт был выдуман и не соответствует действительности. Да простят меня (и поймут) мои коллеги, которым и посвящена эта книга! Конечно, я помню, что при асистолии электроимпульсная терапия (дефибриляция) не используется. Итак...

Глава 1

Незаметно наступала осень. Стремительно близилась ночь. Редкие фонари золотили листья деревьев. Я прижался лбом к холодному стеклу и вздохнул. Мест в реанимации не было. А больных в приемное отделение везли и везли. Вон очередная «Скорая», тревожными вспышками рассекая темноту, подлетела ко входу в «приемник». Сейчас начнут звонить и спрашивать про свободные места. Обернувшись, я нервно обвел взглядом реанимационный зал — все кровати были заняты. В полумраке мерцали мониторы, гудели аппараты ИВЛ и пиликал инфузомат, сообщая, что лекарство скоро закончится. А кого тут переведешь? Разве что послеоперационного?

Тут, конечно, зазвонил телефон. Сердце мое отреагировало тахикардией на Пятую симфонию великого немецкого композитора.

— Алло, реанимация, — невозмутимо ответила дежурная медсестра Анжела. Она сидела за столом, заполняя какие-то журналы. — Все поняла! — нетерпеливо оборвала она разговор и коротко сообщила мне: — Судорожный с остановкой находится в отделении!¹ — А затем, крутанувшись на стуле в сторону коридора, она заорала так, что шевельнулся больной, находившийся

¹ Имеется в виду приступ судорог с остановкой дыхания. (Здесь и далее прим. автора.)

НОЧНОЙ ОБХОД

под наркозом: — Паша! Подъем! В отделении «остановка»!

Послышался грохот — это медбрат, дремавший на каталке в коридоре, свалился на пол. Через мгновение он с дефибриллятором в руках пронесся в сторону выхода из реанимации.

— А чемодан? Вот черт! — завопила ему вслед Анжела и, схватив серый пластиковый кейс, ринулась за ним.

Я, вооружившись ларингоскопом, интубационными трубками разного диаметра, проводником и фонендоскопом, бросился в сторону черной лестницы — так было быстрее. Санитарка едва успела убрать ведро с водой, а через швабру я перепрыгнул. Два лестничных пролета — и я вбежал в соседнее отделение.

Полутемный коридор, несколько кроватей. Бегу к той, вокруг которой суетятся медсестра, доктор, какие-то люди. Расталкиваю, вижу полураздетого мужчину. Слышу: «Судороги... хрипел... не дышал...» Лицо синее. Пульс на сонной артерии редкий, но ощутимый. Затрудненный шумный вдох с жутким прерывистым стоном. Клонические подергивания кистей рук. Осторожно завожу ларингоскоп в ротовую полость больному. Чувствую, как Анжела надевает на меня защитные очки. Больной тут же кашляет, и стекла покрываются брызгами мокроты. Вот вход в гортань. Но голосовой щели не видно — там плотно застрял какой-то посторонний предмет розового цвета...

— Черт! Это зубной протез! — догадался я.

Я стал поддерживать клинком ларингоскопа язык и надгортанник больного, при этом кусок сломанного протеза чуть смещался кнаружи, давая воздуху проникать в легкие. От мышечного напряжения левая рука ныла.

— Режем горло? — возбужденно предложил молодой доктор и протянул мне скальпель.

Мне захотелось его пнуть.

— Нужен корнцанг, — пробормотал я, понимая, что вряд ли этот инструмент был в нашем кейсе.

И тут случилось чудо — Паша неожиданно извлек из своего бокового кармана кровоостанавливающий хирургический зажим:

— «Москит» сойдет?

Захватив изогнутыми тонкими концами обломок съемного протеза, я осторожно стал тянуть его на себя... Черт! Скользящая пластмасса сорвалась. Но больной успел сделать полный вдох и выдохнул на меня не меньше литра воздуха, пропитанного перегаром. Я скривился от боли в левой руке и поморщился от неприятного запаха.

А протез немного изменил положение, показав мне коронку зуба, за которую я ухватился и стал тянуть...

— Надо было трахеотомию делать, — разочарованно произнес дежурный доктор, рассматривая извлеченный обломок.

— Харакири себе сделай, — вполголоса сказал Паша, обрабатывая «москит» антисептиком.

Помиравший вдруг открыл глаза и обвел нас изумленным и мутным взором. Неизвестно, что ему помешало, но, откашлявшись и сплюнув, он шепеляво произнес:

— Валите от меня, черти! Хрен вам, а не Федька Щукин!

— Доктор, молодец! — похвалила меня медсестра, когда мы входили в реанимацию. Я приосанился. — Хорошо, что горло не резал, а то пришлось бы его к нам тащить, а у нас мест нет, — пояснила она.

— А откуда у тебя взялся зажим? — поинтересовался я у Паши.

— В нейрохирургии утром взял. В долг, — ответил медбрат.

НОЧНОЙ ОБХОД

— В долг, — усмехнулась Анжела и покачала головой.

— Все тихо! — доложила нам санитарка. — Как велели: всех впускала, никого не выпускала.

В коридоре сидела на стуле медсестра, как выяснилось, из отделения гинекологии. Она ждала нас, чтобы попросить в долг магнезию. А в реанимационном зале у поста медсестры стоял молодой доктор, он был в колпаке и в маске, а в руках держал какие-то бумаги.

— Просили вам передать, — сказал он и вручил мне пачку чьих-то анализов.

Я посмотрел — людей с такими фамилиями у нас не было.

— Это не наши, — покачал я головой.

— Да? — Он приподнял брови, темные глаза округлились. — Сказали «кардиореанимация».

— А мы «нейро». — Я устало присел на стол. — Вы здесь недавно работаете?

— Да, — кивнул он, — я новый врач из приемного отделения. Ну, тогда извините.

И он пошел к выходу.

Наступило затишье. Редкий момент в жизни отделения реанимации. Конечно, тишина стояла относительная: аппараты ИВЛ монотонно гудели, мониторы ритмично пикали, озвучивая правильные сокращения сердца, и негромко играло радио на сестринском посту. Может, это и не самые приятные звуки, но зато успокаивающие. Я окинул взором погруженный в полумрак реанимационный зал и удовлетворенно улыбнулся, поскольку нет для реаниматолога картины лучше, чем синусовый сердечный ритм на мониторе и пульсирующая кривая сатурации со значениями выше 93. Действует как море на курортника — умиротворяюще.

Самое время было бы пойти отдохнуть, но мое вечное переживание «а вдруг кто-то ухудшился?» заставило еще раз обойти всех больных.

На первой кровати лежала молоденькая студентка из универа. Бедные ее родители! Они приходили к ней дважды в день. В лучшем случае они успеют забрать ее домой. Позавчера ее прооперировали по поводу опухоли мозга, и пока мы «держали ее в наркозе». Опухоль была проявлением ВИЧ-инфекции, которой ее заразил бойфренд. «Он сейчас уже не наркоман, — говорила она родителям, — просто в юности баловался». Кстати, он ни разу не навестил ее. Я немного подтянул интубационную трубку.

Пациент номер два стал стабильнее. И это вселяло надежду. Молодой человек с тяжелым ушибом мозга. Месяц назад его сбила машина на пешеходном переходе. Месяц между жизнью и смертью. Месяц медикаментозного сна, без которого он сгорел бы как свеча от диэнцефального синдрома и других осложнений черепно-мозговой травмы. И вот вроде появился шанс выкарабкаться, тьфу-тьфу, чтобы не сглазить. Правда, наукой ему уже не заниматься... Потрогав манжету на трахеостоме — не сильно ли раздута, я вздохнул и пошел дальше.

Третьей лежала бабушка с инсультом. После недели ИВЛ она стала дышать сама и даже двигать левой рукой, до этого парализованной. Я поправил ей носовой катетер для подачи кислорода — он отлетел от пластиковой бутылки из-под минеральной воды. Это было гениальное изобретение нашего доктора: дефицитные кислородные банки для увлажнения заменить на пластиковую тару.

— Мне дует, — тут же сообщила пациентка.

Я сделал поток кислорода чуть меньше и спросил:

— Так лучше?

— Как на даче, — пробормотала она.

НОЧНОЙ ОБХОД

Четвертым пациентом был доктор. Тоже с инсультом. И тоже с хорошей динамикой, что очень радовало. Он уже дышал сам и мог двигать руками и ногами. Его ежедневно навещали, многие звонили узнать о состоянии. Значит, человек хороший. Эх, если бы здоровье больного зависело от внимания окружающих, то наш коллега должен был уже бегать вокруг больницы...

А вот его сосед, находящийся на искусственной вентиляции легких уже больше недели, не будет ни бегать, ни дышать. Никогда. Фатальное кровоизлияние в мозг, несколько операций, глубокая кома и неблагоприятный для жизни прогноз. Остался только вопрос времени: когда остановится сердце? Постояв около него с ощущением бессилия, я двинулся к следующему пациенту.

Послеоперационный больной, лежавший на шестой кровати за ширмой, тут же открыл глаза.

— Доктор, — позвал он. — А вы видели, как меня оперировали?

— Нет, а что? — удивился я вопросу.

— Да просто хотел узнать... Мозги там в порядке? — И он осторожно потрогал забинтованную голову указательным пальцем.

— Не волнуйтесь, — улыбнулся я и поправил ему дренаж. — Я читал данные о ходе операции, все в полном порядке, доктор ваш мозг даже не задел.

— Спасибо! — И больной с облегчением закрыл глаза.

Около седьмой пациентки я снова вздохнул. Молодая женщина выжила после кровоизлияния, но у нее формировалось вегетативное состояние, и все наши усилия не допустить этого были впустую...

Анжела сидела на своем посту за столом и заполняла очередной журнал.

— Доктор, идите спать, — не оборачиваясь, сказала она и негромко добавила: — Хоть мешать не будете.

Спать мне хотелось весь день, начиная с утра, часов с пяти, когда нас с женой разбудили соседи. Осень в Петербурге стояла теплая, окна на ночь мы не закрывали, позволяя свежему ветру с Невы заполнять нашу комнату. Кстати, с ветром и залетели вопли сограждан, возвращавшихся откуда-то под утро...

— Не до сна, — усмехнулся я. — Мне еще писанины... часа на полтора!

— Так идите и пишите! Хватит тут шариться, больных разбудите. — И она снова уткнулась в журнал. Перед ней на столе, словно статуэтка, стояла бутылка кока-колы.

«Капитан! Пока все спокойно!» — вспомнил я сквайра Трелони из нашего фильма «Остров сокровищ» и отправился в ординаторскую.

«Листы скорби» — так когда-то назывались истории болезней — немым укором громоздились на столе, напоминая одновременно Вавилонскую и Пизанскую башни. «Что может быть хуже заполнения листов осмотра, особенно ночью?» — задал я себе вопрос, но подходящего ответа не нашел. Навалились такая тоска и усталость... Я бросил взгляд на диван: старый, продавленный, вытертый, но такой притягательный, когда время за полночь, ноги гудят, а в голове полное отсутствие и мыслей, и эмоций. Словом, то состояние, к которому стремился Шри Ауробиндо со своими учениками.

«Полчаса!» — пообещал я себе, как Штирлиц, и вырубился раньше, чем закрыл глаза.

— Доктор, у нас «остановка»! — Голос медбрата, словно взрыв, прозвучал в моей голове.

Проснулся я, когда уже вбегал в реанимационный зал. В мозг иглами впивались звуки тревоги, издаваемые монитором. Медсестра сильно и ритмично давила на грудь больного, проводя закрытый массаж сердца. Это

НОЧНОЙ ОБХОД

был доктор, которого я только что осмотрел! Что могло с ним произойти?! Медбрат Паша уже держал наготове ларингоскоп и интубационную трубку. Перехватив на ходу инструмент и бросившись к изголовью кровати, я отметил, что у пациента выраженный цианоз кожных покровов. Анжела на мгновение остановилась, давая мне возможность засунуть трубку в трахею, и после моего крика: «Качай, качай!» — продолжила сдавливать его грудную клетку. Я вдвух мешком Амбу¹ кислородную смесь в легкие, пока Паша подкатывал аппарат ИВЛ, истошно вопящий тревожными сигналами. Пульса на сонной артерии не было, на мониторе ползла изолиния. Подключив больного к аппарату, я сменил Анжелу и продолжил ритмично нажимать на грудину. Мышцы рук уже ныли, я обливался потом. Медбрат включал дефибриллятор.

— Еще адреналин? — Анжела стояла со шприцом.

— Давай, давай! — Я бросил взгляд на монитор: изолиния убивала.

— Доктор, полчаса уже качаем, — сочувственно напомнил мне Паша.

— Да без толку. — Анжела стянула перчатки и вытерла мокрый лоб.

— Я тебе дам без толку! — прикрикнул я на нее. — Еще адреналин. Еще разряд..

Я и сам видел и понимал, что пациент умер. Он уже был мертвый, когда мы только начали его реанимировать. Все наши действия были напрасны, мы не могли его оживить.

Черт! Я стукнул кулаком по спинке кровати. Анжела с Пашей молча смотрели на меня. Затем Паша отключил ИВЛ и пиликавший монитор. Неожиданно настала тишина. Анжела перекрыла капельницу.

¹ Устройство для проведения вентиляции легких.

— Черт! — Я содрал с себя перчатки. — Как это могло случиться? Он же был самым стабильным из всех! — Слабость в ногах и тошнота заставили меня дойти до стула и упасть на него. — Вы это понимаете? Он единственный не мог вот так взять и умереть!

— Доктор, а я? — вдруг раздался испуганный голос с кровати, отгороженной ширмой. Послеоперационный больной проснулся и с ужасом наблюдал за происходящим.

— Не волнуйтесь, — ответил ему Паша, — доктор про больных говорит, а вы у нас уже здоровый. Так что не обращайтесь внимания, мы тут просто работаем, но уже закончили...

Я откинулся на спинку вертящегося стула. Мне было плохо. Сердце колотилось, проваливалось куда-то, и как сквозь пелену я слышал голоса — санитарки: «Доктор, поможете труп переложить? Он тяжелый»; медсестры: «Оставь доктора в покое — видишь, его самого надо реанимировать»; медбрата, обращавшегося к санитарке: «Угомонись, мы еще труп не подписали»...

Я заперся в ординаторской. Давно не было так скверно. Усевшись на диван, я уставился на стену напротив.

Был человек и нет... Что могло произойти? Я же его смотрел, перед тем как уйти, — никаких признаков надвигающейся катастрофы не было, он находился в сознании, стабильный... Чего я не заметил? Может, это тромбоэмболия? Ее-то не предвидеть.

Я ударил кулаком по подлокотнику. Внутри несчастного дивана что-то оборвалось. Все можно пережить, кроме смерти. Она приходит быстро, уносит безжалостно... Что за чушь я несу? Я почувствовал, как это «ужасаться ужасом безумным»...

Пациенты в реанимации умирают часто, и пора бы уже привыкнуть к этому. Трагедия случается тогда, когда

НОЧНОЙ ОБХОД

умирают те, кто мог бы жить. Сколько ему было? Сорок? Я с трудом встал, прошел до стола, шаркая по стертому линолеуму, и взял его историю болезни. Тридцать восемь лет. Еще вчера я сказал его жене, что состояние улучшилось...

Пока я констатировал смерть записью в истории болезни и раздумывал, когда звонить жене пациента — лучше, наверно, утром, а не посреди ночи, — в ординаторскую заглянул дежурный нейрохирург.

— Привет! Я смотрю, у вас место освободилось? Мы сейчас «травму» в операционную берем, можно потом к вам? — деловым тоном поинтересовался он.

— Да, можно к нам, — кивнул я устало.

Жизнь должна продолжаться. И я снова вышел в реанимационный зал. Умерший пациент был уже переложен на старую железную каталку и накрыт черным, неприятного вида чехлом. Медсестра собирала шприцы, пустые ампулы, выключала инфузоматы. Медбрат снимал пластиковые шланги с аппарата ИВЛ. Санитарка обрабатывала пустую кровать... пустое место, где только что лежал живой человек, а скоро ляжет другой — новый пациент.

— Нейрохирурги травму берут оперировать, — сообщил я своей бригаде, — потом к нам привезут.

— Во сколько? — поинтересовалась Анжела.

Я пожал плечами.

— Слушай, а во сколько тревога сработала? — Мысли помимо моей воли возвращались к умершему доктору.

— Тревога? Вы меня, что ли, имеете в виду? — Анжела проходила мимо, но остановилась и посмотрела на меня с усмешкой. — Как заметила, так и закричала. — И она продолжила движение.

— Я имею в виду аларм, монитор! — с некоторым раздражением пояснил я. Нашла время шутки шутить.

— Аларм ваш не мог сработать, потому что больной не был подключен к монитору, — как само собой разумеющееся сообщила она.

— То есть как не был? — Я ушам своим не поверил.

— Вам лучше знать, — отозвалась Анжела и сварливо добавила: — Я, что ли, выбираю, кого к монитору подключать?

— Да я лично к нему подсоединял электроды! — Я вскочил и подошел к прибору.

— Не знаю, куда вы там и что подсоединяли, но монитор был подключен к соседу! — отрезала она.

— Такого не может быть! — Я включил злосчастный монитор и стал смотреть графики, отражавшие последние часы жизни умершего пациента. — Смотри! — Я ткнул пальцем в экран. — Вот, он «остановился» в два часа ночи! А вот мы начинаем его реанимировать...

— Это мы с Пашей перекинули электроды на него, — спокойно сообщила Анжела. — Меня срубил... Ну да, виновата. — Она выставила ладони перед собой. — Но всего на несколько минут...

— Ты его проспала! — Я зажмурил глаза. Что-то подобное я и ожидал.

— Слушайте, — воскликнула она обиженно, — я тоже человек! Ну, заснула. Спала от силы пятнадцать минут...

Я всплеснул руками:

— Да за это время тут все могли... Почему ты Пашу не посадила на пост, прежде чем завалиться спать?

— Я не заваливалась! Я даже из-за стола не вставала. Меня просто вырубил! Очнулась и сразу пошла смотреть больных. — По ее тону было понятно, что виноватой она себя не считала. — Вижу, четвертый «остановился»! Я его сразу реанимировать начала, Пашу крикнула, он прибежал, мы электроды нацепили и...

НОЧНОЙ ОБХОД

— Скорее всего, он чуть раньше «остановился», — заметил вошедший в зал медбрат, — поэтому мы его раскатать и не смогли.

— Так! Тебя кто-то спрашивал? — накинулась на него Анжела. — Может, и раньше, но ненамного.

Я машинально нацепил на палец датчик пульсоксиметра. На экране зачастила сатурационная кривая.

— А у вас гипоксия, — заметил Паша, — 92%. Может, кислород?

— Вероятно, вы его перестилали, — рассуждал я, глядя на них исподлобья, — отключили электроды, а потом по ошибке нацепили их на соседа. Так?

— Мы его перестилали до того, как вы подключали к монитору. Паша, скажи! — Анжела посмотрела на медбрата.

— Да, честное слово, — кивнул он, глядя мне прямо в глаза.

— Если бы мониторы были на всех больных... — начала Анжела, но я ее прервал:

— Если бы ты не спала...

— Я не спала! — возмущенно воскликнула медсестра и с оскорбленным видом направилась к выходу из реанимационного зала. Но тут же столкнулась с санитаркой.

— Кто бросил шприц в помойное ведро? — заголосила та, уперев руки в бока и загородив собой проход.

— Что, дура, что ли? — попыталась ее обойти Анжела.

— Я все доложу старшей сестре! — не унималась санитарка. — Вы шприцы выбрасываете в мусор, а надо...

Я уставился на экран монитора. Вот, в два часа ночи прекращается сердечный ритм, короткая изолиния, и практически сразу начинается непрямой массаж сердца — это видно по графикам. Но если верить Анжеле, а собственно, чего ей врать? Значит, это запись

электрокардиограммы соседа, который хоть и без сознания, но со стабильным сердечным ритмом. А прерывается она потому, что они с Пашей сняли с него электроды и подсоединили к «остановившемуся» доктору. И теперь монитор уже пишет ход реанимации.

Какое-то фатальное стечение обстоятельств! Анжела заснула на посту. Именно в эти минуты у пациента случилась остановка дыхания. Тревога не сработала, потому что больной не был подключен к монитору. Мне казалось, что я его подключал, но стопроцентной уверенности у меня не было... Неужели у меня начались провалы в памяти?

Я проклял соседей, не давших мне выспаться перед дежурством, пожелал неизвестным людям, от которых зависело количество мониторов в реанимации, долгих лет на больничной койке... и признал себя виновным. Я виноват в его смерти. Как там говорил Достоевский?.. Мы несем ответственность перед всеми людьми и за всех людей?

Прихватив бутылку колы, я нетвердой походкой пошел в ординаторскую. Жутко хотелось пить, а еще больше — напиться.

Глава 2

Есть моменты, когда мечтаешь уволиться с работы — например, когда нужно идти на утреннюю больничную конференцию после тяжелой ночи или когда увидел квиток со своей зарплатой. Но самое паршивое — это сообщать родственникам о смерти их близких. Как заметил один мой старший коллега, после каждого такого разговора у него остается рубец на сердце. «Представляешь, во что превратился мой миокард за пятнадцать лет работы?»

Я дождался половины восьмого утра и позвонил жене умершего доктора...

НОЧНОЙ ОБХОД

Она молча выслушала и повесила трубку. Еще один кирпич в стене, еще один шрам на сердце.

Остро захотелось выпить и больше никогда не работать в реанимации.

Первым на работу приехал заведующий. Выслушав все новости про больных, все подробности про умершего, наш замечательный шеф тяжело вздохнул:

— Да, крайне неприятная ситуация. И с мониторами беда... Если и эти сломаются, как работать будем? Анжела вроде не имеет привычки спать на дежурстве?

Я отрицательно покачал головой.

— Вы поезжайте домой, отдохните, а я схожу на вскрытие, — великодушно предложил заведующий.

— Нет, — возразил я. — Я сам схожу.

— Ну как знаете, — пожал он плечами.

В проеме открытой двери возникла старшая сестра, держа в руке шприц, словно олимпийский огонь.

— Значит, так! Мне все равно, что тут у вас было ночью, хоть десять реанимаций! Если еще раз кто-нибудь швырнет шприц в мусорку... воткну его вам в одно место! Все понятно?

И, не дожидаясь ответа, пошла дальше.

Шеф собрался уходить на утреннюю больничную конференцию. Пожалев меня, он пообещал, что сам доложит о моем дежурстве.

— С меня причитается, — откликнулся я на его доброту. — Спасибо!

— Благодарность — признак благородства души. Так вы говорите? — усмехнувшись, ответил он на прощание.

— Это Эзоп. Вроде.

Я прилег на диван.

Около девяти пришли на смену сразу два доктора. Кто из них дежурил, а кто пришел по ошибке, они не

знали. Оба были в хорошем настроении, возможно, по случаю аванса. И никто не собирался возвращаться домой.

— Мы к вам, профессор, и вот по какому делу! Кто из нас сегодня дежурит? — обратились они ко мне.

Я пальцами помассировал глаза.

— График дежурств я составляю, но не учу наизусть. Кто-то из вас, это точно. Монетку киньте, — предложил я.

— Я два часа из Вишеры ехал, тащил на себе яблоки. Зря, что ли? — Доктор Киселев поправил очки указательным пальцем, затем, скинув здоровенный рюкзак, стал доставать из него мешок с яблоками. — Коллега, угощайся, — обратился он ко мне, — а то что-то выглядишь не очень, витаминов, наверное, не хватает.

Второй доктор взял яблоко, помыл его, после чего сообщил:

— Я ночью дежурил на «Скорой», а сегодня вроде бы здесь, в реанимации. Владимир Станиславович, а фруктики-то у вас червивые! — Доктор Быков с хрустом кусал сочное яблоко. Он был моложе своего коллеги, на голову выше, шире в плечах и отличался неиссякаемой энергией и оптимизмом.

— Экий ты, Павел Васильевич, привередливый. Червяки ему не нравятся!

За яблоками из рюкзака появилась литровая банка с супом, двухлитровая бутылка колы, две пачки сигарет и толстенная книжка — Карамзин, том первый.

— Ну вы даете! Видя такие запасы, я готов уступить вам дежурство!

— Благородный поступок, — кивнул Владимир Станиславович. — Пошли покурим по этому поводу. А поскольку наш бледнолицый друг не курит... — Он махнул в мою сторону рукой. — И с нами не вступает в беседу...

НОЧНОЙ ОБХОД

— Мне на вскрытие идти, — хмуро ответил я, не вслушиваясь в их разговор. Настроение у меня было настолько подавленным, что веселье окружающих вызывало раздражение. Я закрыл глаза.

Мои коллеги продолжали трепаться, не обращая на меня внимания.

— Видишь, Павел Васильевич, — говорил Киселев, — это мы с тобой, обычные доктора, на работу стремимся. А писателю вдохновение требуется, он для этого на вскрытия ходит!

— Видал я в гробу такое вдохновение, — отвечал Быков. — А может, вам тоже попробовать, Владимир Станиславович?

— В смысле в морг сходить?

— Нет, книжки начать писать!

Раздался смех...

Я открыл глаза, вспомнил про кока-колу, которую забрал у медсестры, плеснул себе в стакан и, несмотря на то что напиток был тепловатым, с удовольствием выпил...

Я вернулся в реанимационный зал. Какая тут духота, надо открыть окно. Перегретые аппараты ИВЛ гудят настолько громко, что хочется заткнуть уши. Надо посмотреть больного — меня тревожит его состояние, я боюсь упустить что-то важное, но что именно, не могу понять. Дохожу до его кровати... У меня темнеет в глазах. Место, где должен лежать пациент, пусто! Его нет! У меня подкашиваются ноги, и я, чтобы не упасть, хватаюсь за спинку кровати. Я кричу, зову Пашу и Анжелу... А они, оказывается, стоят рядом.

— Почему меня не позвали? Когда он умер? — Я указываю на пустую кровать, моя рука дрожит.

— Его на исследование увезли, — отвечает медбрат. Я хватаюсь за сердце:

— Слава богу, а то я уж подумал, что он... А что за исследование? Неврологи назначили?

— Вы сами и назначили, — тихо говорит Анжела. — Он на вскрытии!

— ...вы на вскрытие пойдете? Из морга уже звонили. Или, может, все же мне сходить? — Заведующий тихононько тряс меня за плечо.

Я вскочил на ноги и попытался осознать, где была реальность, а что оказалось сном.

— Как-то вы странно выглядите, — покачал шеф головой, внимательно разглядывая меня. Затем взял стоявший на столике у дивана стакан с остатками напитка и принюхался.

— Там просто кока-кола, — как можно убедительнее сказал я и протер глаза. — Вот, черт, ну и сон мне приснился.

— Так, может, домой? И выспаться? — предложил шеф.

— Спасибо, но вначале в морг, — покачал я головой и стал переобуваться. Пол в морге был не самый чистый.

Сквозь осеннюю листву росших на территории больницы каштанов, сквозь несущиеся по небу рваные облака светило утреннее солнце. Я остановился и, задрав голову вверх, прищурился — после дежурства дневной свет всегда кажется ярче. Разглядывая кусочек высокого голубого неба, я подумал, что, наверное, есть в мире другая работа и другая жизнь — без болезней, без умерших, без утренних телефонных звонков, когда нужно сообщать людям о смерти... Жизнь, когда утром идешь в офис или в кафе, а не в морг, до которого я уже, собственно, и дотопал. Пройдя быстрым шагом сквозь комнату, заполненную плачущими людьми, затем проскочив помещение, где были выставлены образцы гробов, я перевел дух и стал подни-

НОЧНОЙ ОБХОД

маться по старым каменным ступеням на третий этаж. Запах здесь стоял еще более противный, чем внизу. Впрочем, в ординаторской, где ждала меня моя бывшая сокурсница, работавшая патологоанатомом, пахло меньше.

— Что-то ты долго, — поприветствовала она меня. — Да и вообще давно тебя не видела. Чаю хочешь? Или кофе?

Она сидела за компьютером и печатала какой-то отчет. Справа от нее стояла чашка с горячим чаем, слева на блюде покоился надкусанный бутерброд. Вместо салфетки лежал лист белой бумаги А4.

Я вежливо отказался, и мы пошли в секционный зал.

«Единственный диагноз, который меня хоть как-то успокоит, — это тромбоз легочной артерии», — размышлял я по пути.

— О чем задумался? — поинтересовалась у меня доктор.

— Да так, стихотворение вспомнил. «Чем пахнут ремесла», — отшутился я. — Джанни Родари, помнишь такого?

— Ой, можно подумать, у вас розами пахнет! — парировала бывшая сокурсница. — Прошу! — И она распахнула передо мной старую деревянную дверь.

Стараясь не глазеть по сторонам, дышать поверхностно и ни до чего не дотрагиваться, я стал наблюдать процесс аутопсии моего пациента, или, проще говоря, вскрытия. Больше всего в этот миг мне хотелось исчезнуть из морга, из больницы и утратить память на текущие события, как больной Альцгеймером.

Не буду утомлять вас подробностями, а их было прилично — звуки, запахи, вид внутренних органов... Тем более что у соседнего мраморного стола тоже кипела работа. Однако все эти факторы помогли мне справиться с эмоциями и сосредоточиться на патологоанатомической процедуре.

— Наконец, самое интересное. — Она быстрыми и точными движениями нарезала небольшой, серого цвета участок мозга. — Таламус чистый... а вот мост и продолговатый мозг... смотри сам! Вот очаг, видишь?

— Подожди, я так быстро не могу. — Я разглядывал лежащую у нее на ладони важную часть головного мозга.

— Даже без микроскопа видно. — Она указала кончиком длинного и узкого ножа на точку в несколько миллиметров диаметром. — Так что все сходится. Умер от того, от чего лечили. Стволовой инсульт. Молодцы!

— Смеешься, что ли? — Я недовольно посмотрел на нее. Патологоанатомические шутки хуже хирургических. Особенно для реаниматолога.

— Почему смеюсь? — удивилась она. — Я на днях вскрывала мужчину, он от остеохондроза лечился, а умер знаешь от чего? Пришлось расхождение поставить...

— Слушай, — прервал я рассказ, — а у нашего ничего больше нет? Если честно, то я думал про тромбоэмболию.

— Ну ты же сам смотрел! Легочная артерия, легкие — все чистое! — Патологоанатом всплеснула руками. — Есть признаки гипертонии, которую он, поди, не лечил, атеросклеротические бляшки уже есть. Видишь? И он же, наверное, дымил как паровоз?

— Да, он курильщик, — кивнул я печально, словно это у меня были бляшки в артериях.

— А печенку посмотри! — воскликнула она, схватив лежавшую на весах красно-коричневую плотную печень. — Видел? Эх, мужики, не бережете вы себя. А потом бегаете к нам: чего он умер? Чего он умер? Ты, кстати, чего такой бледный? — посмотрев на меня, заботливо спросила женщина. — Давай чаек заварю?

Глава 3

Время на дежурстве, особенно ночью, ползет улиткой, а между дежурствами летит стрелой. Дома я пытался выглядеть как обычно, играл с детьми, садился за книгу — в том смысле, что продолжал писать начатый рассказ. Однако жена меня быстро раскусила и уже на второй день после того злосчастливого дежурства предупредила: или я рассказываю, что случилось, или она будет думать о самом худшем.

— Во время моего дежурства умер пациент, — стал я рассказывать, дождавшись, когда дети поужинали и ушли из кухни, — доктор, довольно молодой... Помнишь, я тебе рассказывал? Инсульт. Он совсем плохой поступал, вначале думали, что не вытянем, а потом он лучше стал... Я жене его обещал... ну, не то чтобы обещал, просто обнадежил, что все хорошо будет... Короче, жалко его. Да и ее тоже. Может, ее еще больше...

Жена почувствовала, что я что-то недоговариваю.

— Понимаешь, — вздохнул я, — непонятно, чего он вдруг взял и умер? Я ожидал, что это тромбоз легочной артерии, но на вскрытии ее не оказалось. А самое главное, с монитором какая-то дурацкая история вышла... Я точно помню, что подключал его! А оказалось, что подключен сосед. И выходит, что я виноват в том, что не вовремя начали реанимацию...

Жена вздохнула, погладила меня по руке и стала уговаривать или взять отпуск, или сменить работу. Вместо этого я на следующий день пошел на дежурство. Так, за работой и отдыхом, пролетела неделя.

Небо нависло мутное, белое и беспросветное. Сеял мелкий дождь. Я плелся на работу. Проходя через Строгановский сад по пути к метро, с удивлением услышал, как заливается какая-то птица. Задрав голову, я разглядел необычную птаху. Она сидела на верхушке высочен-

ной одичавшей груши и, несмотря на осень и непогоду, распевала свои птичьи трели. Я неожиданно для себя улыбнулся, а затем, напевая «Скворца» «Машины времени», погрузился в утреннюю толчею метро...

Заведующий отделением выглядел обеспокоенным. Я, стараясь отогнать плохие мысли, в шутку поинтересовался:

— Надеюсь, что это не из-за моего опоздания?

— Если бы я каждый раз, когда вы опаздываете, волновался или злился, то уже лежал бы с язвой желудка, — усмехнулся было он, но тут же нахмурился. — По поводу того больного...

Я уселся на диван. Чего-то подобного я ожидал все эти дни.

— Так вот, позавчера следственный комитет изъясил его историю болезни... Я, кстати, сделал ксерокопию. На всякий случай. И кроме некоторых дурацких записей, за которые вам и доктору Быкову придется вклеить по выговору, там все более-менее нормально...

— А что мы такого написали? — угрюмо поинтересовался я. Если бы дело закончилось выговорами, это означало бы, что мы легко отделались. Но присутствие в этой истории следственного комитета навевало мрачные мысли.

— Что написали? — недовольно повторил заведующий. — Ну вы, например, после времени и даты осмотра добавили «от Рождества Христова». Зачем? А «прогноз для жизни печальный»? Что за детский сад?

Я кашлянул.

— Больше не буду. — Я изобразил раскаяние. — А Быков?

— Еще хуже. — Тут шеф не выдержал и снова усмехнулся. — Для кого он писал, что больной употребил мартини в составе коктейля агента Джеймса Бонда в количестве одного стакана? Что, это имеет отношение к за-

НОЧНОЙ ОБХОД

болеванью? Или к последующей тактике лечения? Или к истории болезни? — вдруг разгневался за отделением.

— Конечно. — Несмотря на свои скверные предчувствия, я улыбнулся. — Может, он был в алкогольном опьянении и от этого лежал без сознания.

— Тогда надо было брать кровь на алкоголь! — отрезал шеф.

— Но комитет-то изъял историю не из-за наших записей? — ангельским тоном поинтересовался я.

— А вот и увидим. Впаяют вам, доктора, срок... Не дай бог, конечно! — добавил он. — Короче. В кабинете у Натальи Олеговны, она сейчас за начмеда по неврологии, сидит следователь. Он хочет и с вами поговорить. Так что переодевайтесь и идите к ней. И советую вам обойтись без всяких шуточек! Да читайте то, что будете подписывать! — напутствовал меня шеф.

— А у штурвала кто останется? — спросил я и указал на белую пластиковую доску, на которой маркером был записан внушительный список дел на сегодня: рентген легких и список фамилий, КТ головы, тоже со списком, перевязки, консультации — словом, ежедневная рутина.

— Я, разумеется. — Шеф уселся за стол. — А потом буду вам сухари сушить. Вы еще здесь?

Я быстро облачился в хирургический костюм темно-зеленого цвета с непонятной надписью на иврите, накинул белый халат и выскочил из реанимации. Проходя по коридорам отделений, освещенным искусственным светом, заполненным больными, сотрудниками, посетителями, каталками, запахами, которые невозможно было выветрить, как и убрать лишние кровати с лежащими на них пациентами, я добрался до кабинета заведующей неврологией. Взявшись за ручку, я на мгновение замер — на меня стремительно накатило предчувствие больших неприятностей. Затем постучался и быстро вошел.

Наталья Олеговна была самой молодой из заведующих отделениями во всей больнице. Приветливо поздоровавшись со мной, она представила своего посетителя:

— Роман Семенович, из следственного комитета. Пришел нас допрашивать, — с легкой улыбкой добавила она. Ни напряжения, ни волнения я у нее не заметил.

— Старший лейтенант Воронцов, — сухо кивнул он, но при этом встал и пожал мне руку.

— Доктор Агапов, — ответил я и сел напротив него.

Старлей был не при погонах, а в штатском: светлая рубашка без галстука, серый пиджак и джинсы. Он был помладше меня, но вид имел суровый. Глаза умные и взгляд цепкий, как у психиатра.

— А мы, оказывается, знакомы с Романом Семеновичем, — сообщила мне Наталья Олеговна. — Я его бабушку пару лет назад лечила.

— Мы вас часто вспоминаем с благодарностью, — серьезно сказал Воронцов.

— Так вы по этому поводу? — поинтересовался я, забыв про наставления шефа о недопустимости шуток.

— Нет. К сожалению. — Тут старлей криво улыбнулся.

Я почувствовал внутри холодок и скрестил руки на груди. Наталья Олеговна же оставалась абсолютно спокойной.

— Не будем терять время. Что случилось? — напрямую спросила она.

— Видите ли, — уже без улыбки начал он, — возбуждено уголовное дело и начато предварительное следствие по факту смерти гражданина Яблочкова, умершего в нейрореанимации вашей больницы.

Мы с Натальей Олеговной удивленно переглянулись. Уголовное дело? Следствие? Что за черт?

— Пациент скончался от инсульта, — заметила Наталья Олеговна, — результаты вскрытия подтвердили

НОЧНОЙ ОБХОД

диагноз и причину смерти. При чем тут следственный комитет и уголовное дело? Мне непонятно.

Воронцов чуть заметно кивнул, понимая наше недоумение, и заговорил тоном, может, и не слишком дружеским, но и без враждебности:

— Поступило заявление, суть которого сводится к тому, что гражданин Яблочков был отравлен...

Мы в изумлении уставились на следователя.

— ...отравлен своей любовницей гражданкой Ясновой, — продолжал он, внимательно наблюдая за нами. — А сотрудники больницы обвиняются в нераспознавании симптомов отравления и в неоказании медицинской помощи в полном объеме.

— Чепуха! — с негодованием воскликнула Наталья Олеговна. — Диагноз не вызывал сомнений и был подтвержден необходимыми исследованиями. А поскольку пациента привезли в так называемое терапевтическое окно, то ему был проведен тромболитис.

И, видя непонимающий взгляд следователя, она пояснила:

— Тромб закупорил сосуд головного мозга и вызвал инсульт. Пациента привезли в течение часа от начала заболевания. Поэтому тромб успели растворить, кровоток восстановили и тем самым дали шанс на выздоровление.

— Симптомов отравления и признаков интоксикации у него не было, — добавил я, упреждая следующий вопрос. — Поэтому кровь на яды и алкоголь не отправлялась.

— Да, примерно так я себе и представлял, — согласился следователь. — Я ознакомился с его медицинским документом, там все так и изложено. Даже про коктейль Джеймса Бонда отмечено, — с легкой иронией добавил он. — Но давайте допустим, что в этом напитке содержалось некое вещество, которое и явилось причиной инсульта.

— Некое вещество? Которое вызвало образование тромба? — недоверчиво спросила Наталья Олеговна.

Воронцов в знак согласия кивнул.

— Значит, мы все делали правильно, — усмехнулся я. — Тромб растворили. Так что обвинения беспочвенны.

— Это был первый пункт обвинений, — не отводя от нас испытующего взгляда, произнес следователь. — Продолжим. Приходилось ли кому-то из вас общаться с гражданкой Ясновой?

— Любовницей доктора Яблочкова? — уточнила Наталья Олеговна. — Нет, я вообще впервые о ней слышу.

— А зовут ее как? — У меня появилось подозрение. Дело в том, что по вечерам, когда жена доктора уже уходила, его довольно часто навещала коллега по работе, так она сама представилась. Звали молодую особу Любой. Мы, конечно, подозревали, что это не просто коллега, но предпочитали не лезть в личную жизнь нашего пациента.

— Любовь Яснова. — Следователь пристально смотрел на меня.

— Тогда, скорее всего, мы с ней общались, — признался я. — Она посещала Яблочкова.

— И в день смерти? — вкрадчиво спросил он.

У меня вдруг забилось сердце — часто и сильно. К чему он клонит?

— В день смерти ее не было, — ответил я, удивляясь своему волнению. Я старался не отводить взгляда от следователя и дышать спокойно. — Во всяком случае, я ее не видел в тот день.

— А в другие дни, когда она приходила, — продолжал следователь тем же мягким тоном, от которого становилось не по себе, — не обращалась ли она к вам или к кому-нибудь из персонала с какими-либо просьбами? Не передавала ли чего-то ценного? Деньги, к примеру? — Он внимательно изучал мою реакцию на его слова.

НОЧНОЙ ОБХОД

— Передавала, — раздраженно ответил я, начиная злиться. Чего бояться, когда совесть чиста? — Она приносила нам пироги, пирожные и кофе. Это как — ценное? Вы вообще к чему все это спрашиваете? На что намекаете? Денег она не давала. Кстати, она медсестра, если вы не знали.

— Знал. — Воронцов кивнул. — Я не намекаю, я расследую. Так вот, второй пункт обвинений касается преступного сговора сотрудников реанимации с гражданкой Ясновой... Спокойно! — Пресекая наше возмущение, он поднял ладонь. — Я абсолютно беспристрастен по отношению к вам, уважаемые доктора. Моя цель — докопаться до истины. В заявлении было сказано, что, поскольку Ясновой не удалась попытка отравления, она вступила в преступный сговор с медицинским персоналом с целью убийства гражданина Яблочкова в отделении реанимации.

— Бред! Какой абсурд! — вскричал я, качая головой.

— Возможно, — пожал плечами старший лейтенант. — А может быть, кто-то, кроме Ясновой, подходил к вам с какими-либо предложениями?

— Предложением убить пациента? — Я не верил своим ушам. — Я дежурил в те сутки, когда он умер! Мы реанимировали его вместе с медсестрой и медбратом! Вот этими руками! Он умер у меня на глазах! А вы хотите сказать, что мы втроем его...

— Я понимаю, что вам это кажется диким...

— А кто написал заявление, вы нам можете сказать? — с тревогой спросила Наталья Олеговна.

Воронцов уставился в окно. Мы молча ждали.

— Заявление написано его женой, гражданкой Алмазовой, — четко произнес он и перевел взгляд на нас.

— Вот ведь змея! — не выдержал я. — Еще и чокнутая.

Наталья Олеговна издала возглас возмущения.

— А почему вы ей верите? Это же похоже на бред сумасшедшего! — воскликнула она.

— Дело не в том, верю я или нет, — неторопливо стал отвечать Воронцов. — Поначалу и мне это заявление показалось, мягко говоря... М-да... Но начались звонки «сверху» с требованиями срочно разобраться и найти виновного. Возбудили дело. А при обыске у Ясновой была изъята бутылка мартини, в которой наши токсикологи обнаружили очень редкий яд... — Он достал блокнот и заглянул в него. — Синтезированное органическое вещество, близкое по химической формуле к яду морской змеи — энгидрины элапидэ. Ну, как-то так...

Мы вытаращили глаза. Такая экзотика нам еще не встречалась.

— Они объяснили мне, что яд этой змеи... — Он снова заглянул в блокнот и зачитал: — Вызывает у человека повышенную свертываемость крови и образование тромбов. Но только при укусе. Если его выпить, то, скорее всего, он разрушится желудочным соком. А в недопитом мартини обнаружено сходное вещество, которое было синтезировано в лаборатории, и оно хорошо проникает в организм через желудок, будучи растворенным в спирте. Ну и в мартини тоже, — добавил он, убирая блокнот в карман пиджака. — Так что по крайней мере первый пункт обвинений уже подтвержден.

Во рту у меня пересохло.

— Я эту Любу Яснову, конечно, не знаю, но мне показалось, что она хорошая девушка, симпатичная... и на отравительницу не похожа... — в растерянности произнес я.

— Эх, доктор! — усмехнулся моей наивности Воронцов. — Знаете, сколько симпатичных людей?... — Тут он замолчал и принялся заполнять какие-то бланки.

— А зачем ей понадобилось травить своего возлюбленного? — продолжал я допытываться.

НОЧНОЙ ОБХОД

— Зачем? — повторил Воронцов, не поднимая головы. — Ну, к примеру, он мог обещать на ней жениться и обманул. Она и решила его отравить. Из чувства мести. Так обычно и бывает. Да и его жена так считает, — пожал он плечами. — Так что это одна из рабочих версий, — добавил он.

Видимо, как врачи видят вокруг себя потенциальных больных, так и полицейские — преступников. Разговор был закончен. Мы прочитали и подписали наши показания, записанные Воронцовым кратко, но довольно толково.

— Мы всегда готовы помочь следствию, — прощаясь, сказала Наталья Олеговна.

— Добро пожаловать в реанимацию, в любое время... — не смог я удержаться от неуместной шутки.

— Уж лучше вы к нам, — в тон мне ответил следователь.

Мы в ответ натянуто посмеялись.

— Что-то мне не нравится все это дело, — хмуро произнесла Наталья Олеговна после того, как представитель правопорядка ушел. — И хотя с нашей стороны все было сделано правильно, это дурацкое заявление... и возбуждение уголовного дела...

Я рухнул в кресло, скрестил руки на груди и задумался. С одной стороны, было крайне неприятно — за все наши старания и сострадание на нас вылили ушат помоев, а с другой стороны, было страшно. Если, как сказал Воронцов, есть распоряжение «сверху» разобраться, то должны найти виновного. И не надо быть Герценом, чтобы ответить на вопрос «кто виноват?», понятное дело — доктор!

— А вы, когда с женой Яблочкова общались, она вам не показалась неадекватной? — спросила Наталья Олеговна. — Про отравление ничего не говорила?

Я отрицательно покачал головой.

— Да нет, обычная молодая женщина, расстроенная... Она, кстати, клинический фармаколог. Поэтому, наверное, про яды и думает, — усмехнулся я. — А мы ее пропускали в реанимационный зал к мужу. Антибиотики выписывали дефицитные. Сочувствовали ей... А она нас впутала в такую историю!

Наталья Олеговна неожиданно усмехнулась. И, видя мой удивленный взгляд, пояснила:

— Дело в том, что как раз вчера вечером я познакомилась с молодым человеком, который еще моложе нашего следователя... Так вот, на мой вопрос, чем он занимается, ответил буквально следующее: «Распутываю странные истории настоящего, разгадываю тайны прошлого и создаю счастливое будущее».

Я заулыбался. Да-а... Наталья Олеговна — незаурядная женщина.

— Где это вы с такими личностями знакомитесь?

— Не поверите, на тренировке. Мой спарринг-партнер не пришел, а тут как раз появляется этот юноша. Он впервые решил познакомиться с тхэквондо. У него неплохая подготовка, но в другом виде борьбы.

— И как? — заинтересовался я, поражаясь ее увлечением. — Кто победил?

— Дружба, — улыбнулась Наталья Олеговна. — После тренировки мы пообщались. Я сказала, что работаю доктором, и спросила, чем он занимается. Тут-то он мне и поведал про свои таланты. И дал визитку. На самом деле он произвел на меня весьма приятное впечатление. К чему я это рассказываю... — Она покопалась в сумочке и вытащила яркую визитную карточку. — Он что-то вроде частного детектива. Может быть, вы ему позвоните? — И, предвосхищая мой вопрос, пояснила: — Мне бы не хотелось самой звонить, а то он еще решит, что я с ним роман собираюсь завести.

Я пообещал связаться с ним.

НОЧНОЙ ОБХОД

Я брел к себе в отделение и ощущал, как страшная обида накрывает меня, окатывает, как морская волна, с ног до головы, заставляя забыть и про детектива, и про его визитку. Автоматически отвечая на ходу на приветствия коллег, я вспоминал, как мы реанимировали этого Яблочкова, как все две недели, что он лежал у нас, мы возились с ним, передавали утренней смене «с рук на руки», начиная обход с него, а не по порядку, как обычно, как искренне радовались положительной динамике... Словом, если древние египтяне правы и «дыхание жизни — в справедливости», то у меня должно было возникнуть апноэ — остановка дыхания.

В реанимации меня встретила старшая сестра.

— Что вы опять натворили? — поинтересовалась она, буравя меня своими черными глазами.

— Убийство, халатность, мздоимство, — хмуро ответил я, пытаясь ее обойти.

— Дошутитесь, доктор! — пророчествовала медсестра. — Вы в курсе, что приходил мужик из следственного комитета, изъял историю и записал фамилии всей вашей смены? С того дежурства, когда доктор помер.

— Петля затягивается, — пробормотал я и ринулся в реанимационный зал: пусть водоворот работы затянет меня так, чтобы некогда было думать про обиды, отравления и обвинения.

Но, увы, оттого что я забыл про них, проблемы никуда не делись. И когда я, сунув руку в карман, наткнулся на визитку частного детектива, то разом вспомнил все и поморщился, словно от зубной боли. Погрузившись в мрачные мысли, я с раздражением разглядывал красных драконов на черном фоне и золотые вычурные буквы: «Арсений Строганов».

Тем временем из операционной вернулся заведующий. Сварив кофе, он позвал меня в ординаторскую.

— Как пообщались со следователем? — спокойным тоном поинтересовался он. Впрочем, во взгляде была заметна тревога.

— На нас завели уголовное дело по поводу смерти Яблочкова. Жена написала жалобу, что его отравила любовница. Это та девушка, которая по вечерам его навещала, помните? Отравила каким-то экзотическим ядом, вызывающим тромбозы... — Я глотнул кофе.

— Ни хрена себе! Вы не шутите? — Шеф не отводил от меня изумленного взгляда, а рука с бутербродом застыла в воздухе.

— К сожалению, нет, — покачал я головой. — Затем, по словам жены, любовница вступила с нами в тайный сговор с целью убийства нашего пациента. И поскольку «сверху» были звонки, следственные органы теперь роют землю. Вот в двух словах о нашем общении. То, что обвинения бред параноика, понятно. А то, что они еще и обидны, я промолчу.

— Это очень скверно, — помрачнел заведующий. — Я не столько про ваши эмоции, сколько про... Ладно! Про отравление — это, конечно, чушь...

— Нет. — Я вздохнул. — Они обнаружили яд в мартини, который он пил в гостях у Ясновой. Яснова — это любовница, — пояснил я.

— Однако! — Шеф так и сидел с чашкой кофе в одной руке и с бутербродом в другой. — Значит, ишемический инсульт был вызван употреблением яда? Но получается, что, проведя тромболизис, мы попали в точку? Тогда что мы сделали неправильно? Никаких признаков отравления у пациента не было. Расхождений на вскрытии, слава богу, тоже нет. Мне, правда, так и не ясна причина смерти...

— Мне тоже, — вставил я.

— Дальше. Надо будет переговорить с Пашей и Анжелой. Может быть, эта Яснова и правда делала им ка-

НОЧНОЙ ОБХОД

кие-то предложения? Лучше бы узнать об этом заранее. Я уверен, что допрашивать будут всех. По крайней мере, тех, кто дежурил в тот день, не зря же следователь переписал фамилии из графика.

Я, соглашаясь, кивнул.

— Что это у вас? — заинтересовался шеф, кивнув на красно-черно-золотую визитку, которую я продолжал машинально вертеть в руках.

— Да вот, Наталья Олеговна дала телефон своего спарринг-партнера и посоветовала связаться с ним. Вроде он может нам помочь, — пояснил я и пожал плечами. — Только не знаю, как и чем?

— Я бы позвонил, — заметил шеф. — Наталья Олеговна плохого не посоветует.

— Судя по этим рисункам, он или тинейджер, или шизофреник. — Я постучал ребром визитки по столу.

— Вот и спросите, — усмехнулся шеф.

После нескольких гудков я уже собирался повесить трубку, но мне все же ответили, причем тон у говорившего был весьма недовольный, а голос — словно у него живот скрутило или судорогой челюсти свело.

— Вам удобно говорить? — вежливо поинтересовался я. — Может, мне перезвонить?

— Говорить мне совсем неудобно, — последовал ответ, — но перезванивать не надо, я буду слушать. Вы кто?

«Душат его, что ли?» — подумал я про себя, а вслух представился и объяснил, кто дал мне его телефон.

— Да. Я понял, — просипел он. — Две секунды... Вот, теперь я вас слушаю! Просто я стоял на голове. Гимнастика, понимаете? Вы же доктор, так что должны знать, что приток крови к голове улучшает мыслительный процесс в мозге.

Мой мыслительный процесс немного затормозился от полученной информации. Но я не стал вставать на голову, а просто сел на стул. И, стараясь ничего не упустить, рассказал о сложившейся ситуации.

— Да, непростой случай, — согласился детектив Строганов, или кем он там был на самом деле. — Я вижу здесь три проблемы и пять способов их решения. Я берусь за ваше дело, — очень важным тоном вынес он вердикт. — Но!

Возникла пауза, и я успел подумать, что, во-первых, сейчас он потребует кучу денег за свои услуги, и я вежливо откажусь. А во-вторых, что я терпеть не могу таких самоуверенных людей, принимающих решения на основании столь малого количества информации... Точно откажусь!

— Но, — вдруг радостно продолжил он, — мне нужен напарник! И то, что вы доктор, — это же знак!

— В каком смысле? — озадаченно поинтересовался я.

— В самом прямом! — Он уже не сдерживался и чуть ли не кричал в трубку. — Это не совпадение, это знамение!

Я отодвинул телефон от уха подальше.

— Я берусь вам помочь, ждите моего звонка! — донесся до меня голос. — Ну наконец-то поперло! — И на этом разговор прервался.

«Точно больной на голову. Может быть, ему нужен психиатр? — подумал я. — Но я-то реаниматолог...»

Видимо, осень действует на людей по-разному. Осенью Пушкин творил свои бессмертные произведения, Любовь Яснова отравила своего любовника, гражданка Алмазова решила затравить нас, обвинив в убийстве своего мужа. А вот мой новый знакомый Арсений Строганов просто спятил, как Болванщик из «Алисы в Стране чудес». Я потряс головой, чтобы избавиться от всей этой чепухи, и пошел работать.

Глава 4

Есть такое поверье в отделениях реанимации: если день прошел спокойно, то ночь будет бурной. В смысле работы. И наоборот.

Сев часов в девять вечера поужинать, я очень надеялся, что ночь будет тихой. Как у Пушкина в Полтаве.

— Доктор! — В ординаторскую заглянула, качая головой, медсестра. — Там консультант из отделения пришел. Идите посмотрите на это чудо-дерево!

— Я еще чай не пил! — возмутился я. — А потом, что я, консультантов не видел?

— Ну как знаете!

Чертыхаясь, я встал из-за стола и пошел в реанимационный зал. Ровно посередине, спиной ко мне, стоял доктор и покачивался с пяток на носки. Халат ему был мал и короткий. Зато большущий колпак он напялил аж на уши. На шее у него висел фонендоскоп, из кармана торчала рукоятка неврологического молоточка, а хирургические перчатки были натянуты поверх рукавов халата.

«Никакой он не консультант, — подумал я. — Так колпаки носят только студенты. А перчатки? Вот уж точно, чудо. И фонендоскоп еще...»

Он, услышав мои шаги, резко обернулся. Лицо было скрыто марлевой маской. В узкой прорези между колпаком и маской блестели глаза.

— Здравствуйте! — жизнерадостно поприветствовал он меня. — А вы доктор Агапов? А я врач-интерн! — гордо сообщил он и стал тыкать пальцем в криво висящий бейдж. — Отделение неврологии!

«Понятно, — усмехнулся я, — только со студенческой скамьи».

— Я собираюсь произвести осмотр пациентов, — сообщил он тоном, каким раньше говорили: «ТАСС уполномочен заявить».

Мы переглянулись с медсестрой. Она захохотала.

— Конечно, — едва сдерживаясь от смеха, ответил я. — Только, пожалуйста, руками ничего не трогать. И никого. Если что, я в ординаторской, — добавил я, обращаясь к медсестре.

— Нет уж, доктор. — Медсестра мгновенно стала серьезной. — Пока ваш интерн будет осматривать пациентов, — обратилась она ко мне, — вы никуда не уйдете. И все останутся живы, — добавила она.

Интерн не понял, чего это мы вдруг переполошились, и смело шагнул к одной из кроватей. Я вздохнул и остался, даже подошел поближе. Трубки, дренажи, зонды, катетеры — все это требовало аккуратности и опыта, каковых у коллеги-интерна просто не могло быть.

— Так вы невролог? — поинтересовался я у него. — Тогда зачем вам «уши»? — И я ткнул пальцем в фонендоскоп.

— Уши? — изумленно переспросил доктор. — А, это вы про...

— Да, — кивнул я, сам удивленный его незнанием медицинского сленга. — «Уши» носят терапевты. Они слушают больных. А неврологи носят молотки. — Я указал на молоточек в его кармане. — А знаете, что носят нейрохирурги?

— Нет, — вдруг перебил он меня тоном отличника, сдающего экзамен. — Я точно знаю, что доктор во время осмотра должен иметь фонендоскоп, молоточек, часы с секундной стрелкой, аппарат для измерения...

— Доктор... э-э... — Я пригляделся к ламинированной белой картонке на его халате. — Строганов? — воскликнул я, читая текст. — Арсений Строганов? Врач-интерн, отделение неврологии? Какого черта?!

То-то мне его голос показался знакомым!

— И я рад нашему знакомству! — протянул он мне руку в резиновой перчатке. — Ой, простите...

НОЧНОЙ ОБХОД

И стал неловко стягивать ее. Разумеется, она разорвалась.

— Я сделаю все, что в моих силах! И даже больше! Можете на меня рассчитывать. — Сдавив мою кисть, он долго тряс ее, пока я с силой не вырвал ладонь из его цепких рук.

* * *

Мы сидели в ординаторской и пили чай. Арсений, вежливо отказавшись от ужина, с аппетитом умял мои бутерброды, после чего стал рассказывать, как он проник в наш корпус. При этом он размахивал руками, словно неаполитанец, и успевал поедать общественный мармелад.

— Вначале я хотел прикинуться больным. Я наматал на голову бинт, набрызгал на него немного крови, типа раненый, но затем передумал, поскольку выяснил: пациенты реанимационных отделений своими ногами не ходят. — Он запустил руку в опустевшую коробку с мармеладом и, поняв, что все выел, тяжело вздохнул. — Тогда я решил прикинуться доктором. Я посидел на студенческих форумах, посмотрел пару серий «Скорой помощи», это американский сериал про...

— Я в курсе, — кивнул я, продолжая с любопытством разглядывать своего нового знакомого. Очень уж своеобразным был этот молодой человек. Излишне подвижный, чтобы не сказать нервный. Но при этом какой-то благожелательный и искренний.

— ...сериал про больницу «Скорой помощи» в Чикаго, — продолжал он. — Так вот, проникнуть на территорию вашей больницы не составило труда, забор всего два с половиной метра. В отделение неврологии я попал на грузовом лифте, а в реанимационное отделение ведет черный ход. Я оделся, как одевается врач, напечатал бейдж...

— Я вас раскусил, — улыбнулся я и перечислил его ошибки.

Судя по всему, его это задело.

— Может быть, это особенности вашей больницы, — с обидой в голосе сказал этот артист, — а в любой другой меня бы не распознали. Ну, неважно, — отмахнулся он. — Главное, что к вам можно проникнуть незамеченным. Теперь я слушаю вас! — И Арсений Строганов достал потрепанный блокнот.

Я не успел и рта открыть, чтобы поинтересоваться, с чего начать рассказ, как он перебил меня:

— Я создаю свой метод раскрытия преступлений! Он состоит из шести пунктов. Пока из шести. Назвать их? — Я не успел ничего ответить. — Сбор информации! Это раз! — Арсений щелкнул пальцами, подражая Фандорину. — Вы скажете, что во всех методах собирают информацию. — Я опять ничего не успел сказать. — Но в моем методе нужно собирать все, что может иметь отношение к делу, и даже то, что не может! Понимаете? Сейчас объясню. Например, после вашего звонка я собрал кучу сведений о вас. О вашей семье, вашем хобби. И знаете, что больше всего на меня произвело впечатление? Образно говоря, вштырило?

Тут он замолчал и даже замер. Я пожал плечами.

— То, что вы пишете рассказы! — От избытка эмоций он хлопнул в ладоши, и блокнот упал на пол.

— А, ну да... — Я немного растерялся. Многие знакомые хвалили мои литературные опыты, но, насколько я знаю, никого из них не вштыривало от них.

— Смотрите! — Создатель уникального детективного метода одним движением выпорхнул из старого глубокого кресла. — Вы — доктор! И вы пишете рассказы! Кстати, «Обратная сторона Земли» — очень прикольное название. А этот... как его... день из жизни этого, как его...

НОЧНОЙ ОБХОД

— «Один день из жизни доктора Алексея Михайловича», — изумленно пробормотал я, глядя на своего нового читателя.

— Мне очень понравился рассказ, — закивал он, — потому что короткий. И содержит полезную информацию про ваше отделение.

Я решил, что это одобрение.

— Вы уже осознали всю важность этого сочетания? Доктор-писатель! — Его глаза расширились и смотрели на меня не мигая.

— Пока не очень, — ответил я, раздумывая: это он «с приветом» или я туго соображаю?

— Ну это же элементарно! — закричал сыщик и подхватил блокнот с пола. — Доктор Ватсон тоже был писателем! Поняли? — И, видя недоумение на моем лице, принялся объяснять: — Ну нельзя же быть таким тормозом! Я — детектив, как Шерлок Холмс, а вы — доктор и писатель, как Ватсон! Мне нужен напарник. И наша встреча — это как... яблоко по башке Ньютону! Она перевернет вашу жизнь! Вы рады?

Молодой человек просто светился от счастья. Видимо, приняв мое молчание за знак согласия, а удивленный взгляд за выражение радости, этот юный детектив начал сбор сведений.

— Итак, наше первое дело. Назовем его... «Случай в реанимации»? Нет, банально. «Отравленный любовник»? Звучно, мне нравится. Но можем во время следствия легко поменять название. — Он уселся в кресло и раскрыл блокнот. — Любовница отравила своего любовника, он попадает к вам в реанимацию и умирает на одном из ваших дежурств. И его жена обвиняет и любовницу, и вас в его смерти. Все правильно?

— Ну, если совсем коротко, — согласился я. — Вы, судя по всему, любите краткость?

— Я люблю быстроту, — ответил детектив. — Сейчас я буду вас спрашивать... Кстати, а можно на «ты»?

Я кивнул.

— Кажется, это называется «сбором анамнеза»? — Он посмаковал медицинский термин. — Начнем с начала. Что ты ел в тот день на завтрак? Ну, в день, когда умер этот мужик.

Я думал, что меня уже ничем не удивишь. Однако ошибся.

— Я? А какая разница? Ведь не меня же отравили, — усмехнулся я, глядя, как сыщик что-то рисует в блокноте.

— Никто не понимает, — с сожалением сообщил мне Строганов. — А знаешь почему? Потому что не владеют моим методом. Ты же задаешь вопросы больному, которые тому кажутся дурацкими? Так что вспоминай: что было на завтрак?

— Пф! Разумеется, я не помню. Бутерброды, йогурт, каша, кофе... Ну, что-то из перечисленного точно было. — Я пожал плечами. — Хотя подожди! — Я сам удивился тому, что неожиданно вспомнил. — Я же в тот день жутко не выспался! И есть совсем не хотел. Выпил кофе и поехал на работу.

— Ура! Заработало! — вдруг оживился частный детектив и потер руки.

После пятнадцатого вопроса я перестал их считать. Детектив задавал вопросы не задумываясь, словно они были подготовлены заранее. И требовал таких же быстрых ответов. Часто прерывал меня, не давая договорить, и перескакивал на другую тему.

— Ты знал этого доктора раньше, когда тот еще был здоров?

— Нет, я его увидел первый раз здесь, в реанимации. На второй день после поступления, — рассказы-

НОЧНОЙ ОБХОД

вал я. — Он окончил тот же институт, что и я, только немного раньше...

— Ты, когда поднимаешься по эскалатору в метро, считаешь количество ламп?

— Что?! Вроде нет...

— А на том, последнем дежурстве, ты общался с любовницей пациента?.. А с женой?

— Нет. Да. — Я едва успевал отвечать.

— Опиши мне его жену. И любовницу.

— В смысле внешность? — уточнил я. — Жена, она высокая, с хорошей фигурой, глаза...

— Внутренность, — перебил он меня. — Елена Алмазова... кратко. Яснова, тоже кратко. Обоих. Как в Википедии, понимаешь?

Я усмехнулся.

— Волна и камень. Стихи и проза. Лед и пламень.

— Это Пушкин, — проявил осведомленность сыщик. — А твой диагноз?

— Алмазова — она такая... эффектная, умная... И, как оказалось, зловредная. А Яснова — улыбчивая, душевная... с виду, во всяком случае. И подозревается в отравлении... Слушай, я не понимаю, какой диагноз ты хочешь услышать.

— Также мне, доктор-писатель, — хмыкнул Строганов. — А во сколько умер Яблочков?

— В два ночи.

— С кем ты дежурил?

— С Анжелой, она очень опытная и ответственная медсестра, и с Пашей, он студент Военно-медицинской академии, медбратом подрабатывает. Толковый парень. И еще санитарка с нами...

— Был ли дождь тем вечером?

— Нет, — ответил я уверенно, вспомнив, как разглядывал через окно двор приемного отделения.

— Во сколько ты ужинал?

— Где-то около девяти...

Я продолжал отвечать, удивляясь, что события той ночи вовсе не исчезли из моей памяти, а были словно спрятаны за закрытыми дверями. И Строганов со своими вопросами-ключами как будто открывал эти двери.

— Какую музыку ты слушал после ужина?

— Музыку? — несколько удивился я. — Да не помню... А почему ты думаешь, что я вообще слушал музыку?

— Потому что на столе у медсестры стоит радио, которое постоянно играет, — буркнул он в ответ. — В тот вечер оно тоже играло?

— Наверное. — Я пожал плечами. — Даже могу точно сказать — играло.

Я прислушался — пел Гарик Сукачев. И в этот момент меня вдруг накрыло воспоминание... Арсений, видимо, задал мне очередной вопрос, но я даже не услышал его, погрузившись в свои мысли.

— Ты чего? — Детектив хлопнул меня по ноге. — Заснул?

— Подожди-ка, — попросил я Строгонова, машинально потирая ушибленное колено. — Я вспомнил...

Вероятно, мой тон подействовал на нетерпеливого сыщика, и он замер, боясь пошевелиться.

— Я точно вспомнил! — громко воскликнул я. — Монитор! Понимаешь?

Арсений интенсивно закивал, хотя явно не соображал, о чем идет речь.

— Я был уверен, что подключал Яблочкова к системе контроля состояния больного! — Я вскочил и возбужденно зашагал по ординаторской. — А оказалось, что нет! Понимаешь? Оказалось, что система была подключена к соседу! Это значит, что я забыл, ошибся... А сейчас я вспомнил! Когда я подключил его к системе, на экране монитора появились цифры: его пульс, давле-

НОЧНОЙ ОБХОД

ние и сатурация, и я сказал: «Хорошо!», потому что все показатели были в норме, и тут как раз песня дурацкая заиграла: «Хорошо, все будет хорошо...», понимаешь? Я тогда еще подумал, что теперь-то точно у доктора все будет хорошо!

Ух! Я плюхнулся на диван. Просто камень с души свалился...

Арсений, наблюдая за мной, с довольным видом снова потер руки.

— А пошли-ка в ту комнату, — предложил он. — Ну, где больные лежат. В палату.

Мне было так легко, что я был согласен идти куда угодно и вспорхнул с дивана вслед за ним.

В реанимационном зале мой странный знакомый, или, как он сам себя называл, напарник, оживился. Хотя куда уж больше?

— Прикинь, — негромко, но возбужденно говорил он мне, — я в юности любил фильмы ужасов смотреть. Знаешь, там, ожившие мертвецы, зомби... А теперь я стою посреди реанимации! Это еще круче! Тебе страшно тут не бывает?

— Бывает, — усмехнулся я, но не стал уточнять от чего.

— Я так и думал, — закивал он. — А ты в курсе, что душа весит двадцать один грамм? Давай взвесим больного до смерти и после? Только весы нужны точные...

— Я вам сейчас тут так взвешу! — предупредила нас медсестра. Она меняла капельницу у пациента и услышала слова Арсения. — Больных не трогать! Только что всем постельное белье перестелили.

— Я просто показываю молодому доктору, как подключать монитор, — пояснил я, но она уже выходила из палаты.

До нас донеслись ее слова: «Свалились на мою голову...»

— Смотри. — Я показал любителю мистики на проводе, тянущиеся от одного из пациентов к монитору. — Видишь, почти все наши больные «мониторятся». Вот идет кардиограмма, вот уровень сатурации, это измерение давления, это...

— То есть если сердце стучит нормально, то эта штука вот так пикает? — перебил он меня.

— Типа того, — кивнул я.

— А если остановилось, то?..

— Включается аларм, то есть сигнал тревоги. Я бы показал, но медсестра будет ругаться. — Я заметил, что она как раз вернулась в палату.

— Ты можешь остановить сердце? — восхищенно воскликнул Строганов. — Это круто. А потом снова запустить? Прямо как двигатель в машине, да?

— Нет. Я просто отсоединю электрод от пациента, сигнал прервется, и монитор воспримет это как остановку сердца. — Я улыбнулся наивности этого мудреца.

— А-а, — немного разочарованно протянул он. — Давай попробуем?

— Лучше не стоит, — заверил я частного сыщика и скосил глаза на медсестру. Она сидела за столом и заполняла журнал.

— Почему? — спросил он и мгновенно схватил провод и отцепил его от больного. По экрану монитора поползла изолиния.

— А почему он не сигналил? — удивился естествоиспытатель.

— Черт! — Я вырвал у Строганова провод и быстро прикрепил обратно к пациенту. Ритм на экране восстановился. — Он не сразу реагирует, должно пройти несколько секунд, и тогда он заорет.

— Вау! — искренне обрадовался Арсений. — А если я к себе его приделаю?

НОЧНОЙ ОБХОД

— Ну, если у тебя есть сердце и оно сокращается, то пойдет нормальная ЭКГ, — раздраженно пояснил я. — Это же элементарно!

— А если к соседу? — И он указал на лежащего рядом пациента, который, кстати, не был подключен к монитору.

— То же самое. Монитору все равно, к кому ты его подключаешь. Главное, чтобы сердце работало в правильном ритме и с нормальной частотой, и...

— А почему не ко всем подключены мониторы? — перебил меня напарник.

Я вздохнул.

— Потому что ломаются. А новых не дают.

— То есть ты подключил того мужика к монитору, и?..

— И монитор должен был сигнализировать, если бы что-то пошло не так. Но у Яблочкова остановилось сердце, а аларм не сработал, потому что оказалось, что монитор подсоединен к другому пациенту, понимаешь? Медсестра заметила, что больной не дышит и посинел, снова подключила монитор к нему и стала реанимировать, но сколько времени было упущено, никто не знает...

— Я понял, — негромко сказал Строганов. — А медсестра всегда сидит за этим столом? — И он кивнул в ее сторону.

— Да. Их две на ночном дежурстве. Попеременно одна работает в зале, другая идет отдыхать. Если есть возможность, конечно, — добавил я. — А если что-то происходит, то ее вызывают из сестринской.

— А где находится доктор?

— Везде, — улыбнулся я. — В зависимости от ситуации.

— В тот день... — начал было Строганов, но я его перебил:

— В тот день, как назло, медсестра вырубилась. Ну, заснула. Сказала, что проспала не больше пятнадцати минут, но именно в это время с Яблочковым что-то случилось. Когда медсестра проснулась, он уже не дышал. Человеческий фактор. — Я развел руками.

— Заснула прямо за столом? — уточнил Арсений.

Дежурившая медсестра, одарив нас угрюмым взглядом, пошла санировать больного. Загудел аспиратор, запищал монитор, сигнализируя о том, что аппарат ИВЛ отсоединен от пациента. Да и сам аппарат стал трезвонить на всю палату. Медсестра нажала на кнопку временного выключения звука, и стало тише. Арсений с интересом наблюдал за ее манипуляциями. Затем, пока она мыла руки, подошел к столу, полистал открытый журнал учета расходных материалов и потрогал бутылку минеральной воды, из которой пила медсестра.

— А где холодильник? — вдруг поинтересовался он.

— В коридоре. — Я кивком указал направление. На конкурсе самых нестандартных вопросов этот парень явно займет первое место.

Строганов быстро вышел и бросился к холодильнику. Открыв его, он внимательно изучил содержимое. Затем извлек что-то из пакета и съел.

— Вода у нее холодная, я и решил посмотреть, — невразумительно объяснил он свои действия и направился в ординаторскую.

Я, еще раз оглядев пациентов, последовал за ним.

— А в тот вечер медсестра пила минералку? — спросил частный детектив, едва я вошел.

— Анжела кока-колу пила, — вспомнилось мне. — Она часто ее пьет.

— А она не говорила, что вкус был какой-то странный? — поинтересовался частный сыщик.

— Нет. Кстати, я сам ее пил утром, уже после дежурства, обыкновенный вкус. — Я устало сел на диван.

НОЧНОЙ ОБХОД

— Ты выпил колы и... — Арсений выжидательно посмотрел на меня.

— Да, меня тоже утром вырубил, но это часто после суток дежурства бывает.

Строганов передразнил меня, причем довольно гнусным тоном:

— «Это часто после суток бывает!» Вы оба пили колу — и вас обоих вырубил! Потрясающее совпадение! — И, не давая мне возразить, продолжил: — Кто из посторонних заходил вечером в реанимацию?

— А с чего ты взял, что были посторонние? Не было... — Я развел руками, но тут нервный сыщик аж замахнулся на меня, и я отпрянул.

— Должны были быть! — прикрикнул он. — Доктор, соберись! Ты ведь уже вспомнил, как подключил монитор к мужику...

— Не к мужику, а к пациенту! — буркнул я. — К тому же доктору.

— Что, мужик не может быть пациентом? А доктор — мужиком? — съязвил Арсений. — Это же элементарно! Убийца, как и я, замаскировался под доктора... или медсестру... или санитарку! Он пришел и подсыпал снотворное в колу... Вспоминай давай!

Я ошарашенно попытался представить замаскированного под доктора убийцу, но перед глазами возникал только Арсений Строганов в образе интерна-невролога. Я усмехнулся видению и отрицательно покачал головой.

— Так, не хочешь, значит... — нахмурился сыщик. — Ладно, пойдем другой дорогой... Вы торчите в той комнате, где лежат больные, все двадцать четыре часа и ни на минуту не выходите, да?

— Нет, конечно, — возразил я. — Возим больных в операционную, на исследования... Или, бывает, в отделения вызывают, если там кто-нибудь помирать начинает... Слушай, — вдруг припомнил я, — на том дежур-

стве нас вечером вызывали в соседнее отделение, у них там пациент был с остановкой дыхания, зубной протез гортань obturировал...

— Отлично! — перебил меня Арсений, радостно потирая руки. — И вы все вместе свалили из реанимации? Надолго?

— Санитарка оставалась. А мы ушли минут на десять-пятнадцать, — уточнил я.

— За пятнадцать минут многое можно успеть! — многозначительно произнес Строганов, глаза его блеснули. — А когда вы вернулись, кто из посторонних выходил из реанимации?

— Да никто не выходил! Ну, просто в реанимации нас ждали медсестра из отделения гинекологии и доктор из «приемника», — не чувствуя подвоха, ответил я.

— И ты, конечно, хорошо знаешь этих сотрудников? — не скрывая сарказма, спросил Арсений.

Я пожал плечами.

— Медсестру я только мельком видел, с ней Анжела или Паша разговаривали. Они мне потом сказали, что она приходила за магниезией. У них в отделении кончилась, такое бывает иногда, — объяснил я.

— Ты ее, разумеется, не разглядел. — Арсений извлек из кармана мягкую маску и надел на лицо.

— Не помню. — Я покачал головой. — Да, она вроде в маске была...

— А доктора ты, конечно, хорошо знаешь, — с улыбочкой предположил он.

— Нет, не знаю, — ответил я с раздражением, поскольку сыщик оказывался прав. — Доктор сказал, что он новенький. Занес нам анализы, но оказалось, что они для кардиореанимации. Перепутал. И вообще, в больнице тысячи сотрудников, я что, должен их всех знать?

Строганов в ответ театрально продекламировал:

НОЧНОЙ ОБХОД

— «Сейчас я маску надену, не удивляйся мой друг, когда будет маска страшна!» — Затем сорвал с себя маску и заговорил обычным голосом: — Так вот! Ставлю сотню, что твой новенький врач был в маске! И ты его не запомнил. В плане внешности.

— Ну и что? — хмуро ответил я, уже понимая, к чему он клонит.

— А то! — Строганов не мигая уставился на меня. — Вспоминай, не было ли в этом докторе чего-то странного? Ты же раскусил меня, что я типа не похож на врача, так напряги память вместе с интеллектом и в этом случае!

Я закрыл глаза и призадумался.

— Одет он был вполне обычно для доктора, — начал я вспоминать нашу короткую встречу. — Странно только, что он искал кардиореанимацию, хотя у нас на двери написано «нейрореанимация».

— Это раз, — с важным видом кивнул Арсений.

— Потом, он зачем-то ждал нас, хотя мог просто оставить анализы на столе и уйти...

— Это два! — довольным тоном отреагировал детектив.

— Маска у него была натянута по самые глаза, как у тебя, — продолжал я воскрешать в памяти подробности встречи с доктором. — А доктора чаще всего опускают ее на подбородок, когда не заняты работой с больными.

— Это три! — воскликнул Арсений так, как обычно кричат «бинго!». — А если еще и цвет глаз вспомнишь... И возраст!

— Вряд ли, — покачал я головой. — Хотя постой... — Я вдруг отчетливо вспомнил быстрый удивленный взгляд того доктора: брови приподнялись, глаза округлились... — Темные глаза у него были! Точно! И мне он показался довольно молодым.